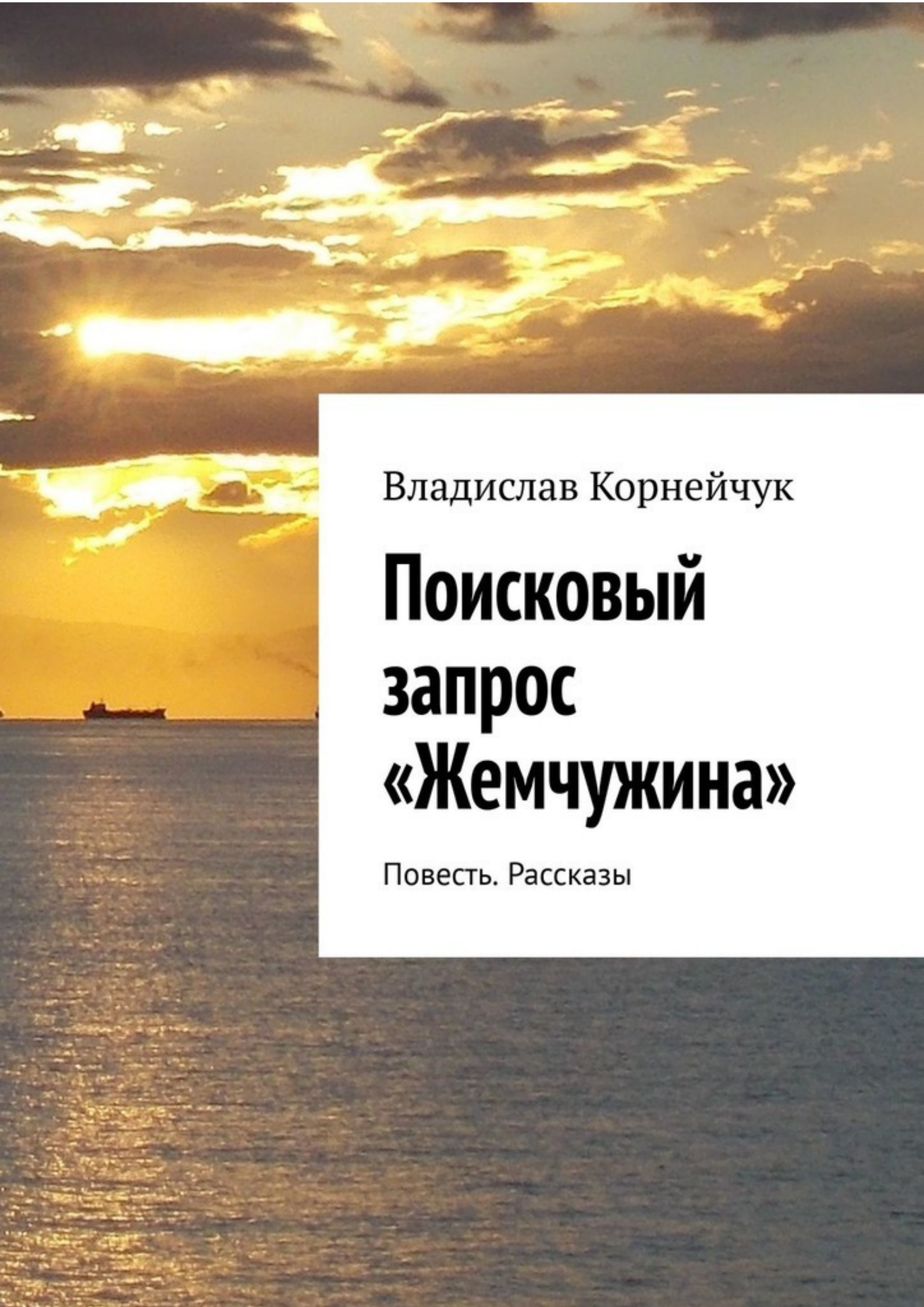

Владислав Корнейчук

Поисковый запрос «Жемчужина»

Повесть. Рассказы

Владислав Корнейчук

Поисковый запрос «Жемчужина». Повесть. Рассказы

«Издательские решения»

Корнейчук В.

Поисковый запрос «Жемчужина». Повесть. Рассказы /
В. Корнейчук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966838-7

Собранное под этой обложкой — грубые эскизы к портрету поколения, юность которого пришлась на эпоху горбачевской перестройки. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-966838-7

© Корнейчук В.
© Издательские решения

Содержание

ПОИСКОВЫЙ ЗАПРОС «ЖЕМЧУЖИНА» 6
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Поисковый запрос «Жемчужина» Повесть. Рассказы

Владислав Корнейчук

© Владислав Корнейчук, 2019

ISBN 978-5-4496-6838-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОИСКОВЫЙ ЗАПРОС «ЖЕМЧУЖИНА»

Светлой памяти моего отца

Портвейн – крепленое вино, изготавливаемое из растущего в долине реки Дору винограда.

Название происходит от города, через порт которого этот вид «разбавленного» этанола традиционно экспортируют.

Просыпаясь в своем отеле, я слышу надоевший мне за двенадцать дней крик чаек и почему-то вспоминаю о сидящей на рецепции мрачно-величественной, словно исполнительница фаду, даме.

Выглянув на балкон, обнаруживаю на пляжной пустыне Матозиньюша серферов. Облаченные в гидрокостюмы они пытаются скользить по едва заметной волне.

До самолета – четыре часа.

Рюкзак упакован еще до эпохального разговора с Петровичем. Давно я столько часов кряду, сколько вчера с Бурунзиным, не беседовал. Осталось принять душ и не забыть в номере походные вьетнамки.

Утвердившись под прохладным водопадом в установленной, возможно, еще при жизни Фернана Магеллана душевой кабине, вспоминаю вчерашний день.

Мы пообедали с Петровичем недалеко от башни Клеригуш. Бурунзин утверждал, что это единственное место в центре Порту, где можно брать дораду, и свою порцию съел с большим энтузиазмом. Потом, идя по набережной Дору до района Фош-ду-Дору, иногда подзаряжались кофеином и десертами.

Познакомились мы накануне. Купив где-то в центре сувенирную кружку, тарелку из тех, что вешают на стену, примерно в восемь вечера я, после кратковременного обморока на втором этаже пятисотого автобуса, вышел на остановке в Фош-ду-Дору. Хотел сфотографировать закат на Атлантическом океане.

Отрезок пляжа – справа и слева выступы скал – был пуст. Кроме меня, единственным обитателем здесь в этот час оказался мужчина лет шестидесяти пяти. Он сидел, откинувшись на каменную кладку, смотрел куда-то за горизонт.

Сделав несколько кадров, посмотрел в сторону, как мне тогда казалось, португальца. Тот, заметив мое любопытство, кажется, высокомерно сощурился.

Однажды, идя с пробежки по променаду в отель, я уже видел его. Этот человек стоял на обочине, указывая жестами, что там, где он стоит – свободное парковочное место. Сидя за рулем, проскочить такое редкое явление легко, а назад не сдашь. Благодарные автомобилисты давали «подвижнику» – кто один евро, кто – два.

Присев на песок, я ждал. Мне хотелось сделать снимки, на которых солнечный диск касается горизонта, наполовину скрылся, едва виден из-за него…

— Из Москвы? Из Питера?

Я вздрогнул.

«Португалец» стоял рядом, продолжая всматриваться в горизонт. В глаза бросились островки щетины, украсившие труднодоступные неровности. На загорелой шее, в обрамлении выреза красной майки, висел нательный крестик.

Солнце, тем временем, коснулось горизонта…

— Из Большой деревни, – ответил я незнакомцу, поскольку с семнадцати лет жил именно в Нерезиновске.

— Я из Ленинграда. Архип Петрович, – говоривший протянул грязноватую ладонь.

У него было очень сильное рукопожатие.

— Я вас видел, вы постоянно парковочные места впариваете.

Вместо ответа на мой каламбур новый знакомый дрыгнул ногой, стряхивая налипший на вьетнамку песок, и закурил вынутую из мягкой пачки сигарету без фильтра.

До того, как покинуть родные берега, Бурунзин был одним из лучших литературных переводчиков с испанского и португальского в Ленинграде. Начало девяностых, в стране развал, пустые магазинные полки, общество на грани гражданской войны… Бурунзин же был из немцев. И смог это подтвердить. Долгие годы избегал советский переводчик ассоциироваться с чем-то немецким, а тут время пришло, когда это оказалось более чем кстати. Германия великодушно приняла его в свои объятия. О родных, о семье мой собеседник ничего не рассказывал.

— Такое ощущение, когда уезжал, было… Эйфория! Вторая молодость наступила!

Произнося эти слова, Бурунзин картинно напряг оба бицепса и исторг очередную струю табачного дыма.

Сначала Архип Петрович жил в Баварии, потом на Тенерифе. Работал на строительстве то ли виллы, то ли целого дворца какого-то богача. Несколько лет как осел в Порту…

Вчера, дойдя до океана и района Фош-ду-Дору, взгромоздились с Петровичем на парапет.

За маяком Фелгейраш, слева от нас, смешивались с Северной Атлантикой приносимые из каких-то медвежьих углов Пиренейского полуострова, воды реки Дору. Позади нас, сразу за набережной, принимала солнечно-воздушные ванны каменная форталеза XVI века.

Сильная низкая волна, завершаясь обильными брызгами, иногда захлестывала подножие башни маяка, стоявшего в конце длинного мола, билась о берег. Между нами и ней на крупном пляжном песке валялось несколько равнодушных тел. Дул влажный и прохладный, несмотря на жаркое солнце, ветер…

До моего отеля было уже рукой подать. Говорили о литературе, о жизни…

— Понимаете, Архип Петрович, это было… Лучше, чем Керуак, не скажешь. Я даже наизусть помню кусок из «Дороги»: «I was a young writer…»

— Красивый фрагмент, – согласился Бурунзин. – «Я был молодым писателем… хотел отправиться в путь… я знал… где-то я завладею жемчужиной…» Каждый, в общем-то, хочет только одного – получить Жемчужину…

Бурунзин закурил очередную сигарету – океанский ветер метнул мне в лицо табачный дым.

— Постоянно тогда носился с этой книгой, всем о ней восторженно рассказывал, давал читать, – вспоминал я журфак МГУ.

Дым летел в мою сторону. Я уже давно сам не курил. Запах жженого табака был неприятен…

Мимо проехал двухэтажный автобус пятисотого маршрута, в котором накануне вечером со мной приключился обморок.

Торчать на пляже надоело. Петрович предложил пойти в нашу сторону. Жил он, по его словам, поблизости.

Когда проходили очередной украшенный азулежу фасад, Петрович сказал:

— Здесь я живу. Может, по рюмочке портвейна?

В квартире Бурунзина слегка пахло сыростью. Это напомнило мне запахи отсыревшей штукатурки, подгнившей древесины, плесени, которые всегда сопровождают храмы в Браге, Авейру, Порту, Лиссабоне.

Мы сели возле журнального столика – в метре от выходящего на набережную распахнутого окна. Между нами воцарилась уже откупоренная бутылка рубинового портвейна, в кото-

рой плескалось больше половины. Петрович извлек из какого-то скрипучего шкафчика две вместительные стопки, что-то вроде уменьшенных бокалов для виски…

— Специальных емкостей для портвейна у меня нет.

Я вспомнил, как мы пили в поезде Москва – Ленинград, когда ехали на фестиваль Ленрок-клуба, портвейн из пластмассовой канистры. Ребята постарше из нашей миитовской общаги купили где-то разливного портвейна. И мы пили его, наливая в складной пластмассовый стаканчик. Я чередовал аккорды в ля-мажоре, а трое парней подпевали: «Вперед! Вперед, Бодхисаттва!» Какой там 220-миллилитровый ридель, заполняемый на треть!

— Это может помешать оценить букет! – не удержался и съехидничал я.

— Хм. – Петрович щелкнул зажигалкой у себя перед носом.

Я поудобнее – уже прилично к тому моменту находился – устроился в кресле.

— Скво поехала в Авейру, можно курить! – мой собеседник с довольным видом выпустил струю табачного дыма.

Жил Петрович с женщиной родом откуда-то из Центральной Африки. На стене висела ее фотография – за стеклом, в простой деревянной рамке.

— Она у тебя молодая. Лет двадцать семь?

— Скажешь тоже! Сорок семь почти. Сохранилась хорошо. А потом, это ж фотка…

Приземистая бутыль, сыр, сигареты в мятой пачке… Джентльменский набор, достойный полуночной детской песочницы в недрах Медведкова.

Бурунзин рассказывал о жизни в бывшей глобальной империи, имевшей когда-то богатейшие колонии в Южной Америке, в африканских и азиатских регионах.

— Федор, здесь скромные университетские преподаватели – представь, что у этих людей в головах, – нанимают горничных! – возмущался Петрович, разражаясь кашлем курильщика. – Тебя – кхе-кхе-кхе! – просто не поймут, если ты с таким социальным статусом, сам прибираешься дома. В свою очередь горничная, если она из местных, раз в неделю тоже приглашает горничную. Чтобы… испытать гордость за то, что у нее дома за нее делают грязную работу другие. Кхе-кхе…

Я вспомнил кварталы Рибейры и Мирагайи с парусами сохнущего на фасадах белья. И по всему Порту – целые улицы обветшавших, выставленных на продажу, а, по сути, кажется, брошенных, домов…

Подстегиваемая рубиновым портвейном беседа стала походить на разговор старых приятелей. Обращение на ты приобрело новое – естественное – звучание.

— Петрович, я очень хотел писать… не так, конечно, как Керуак, но талантливо, страстно… У меня не было стимуляторов, которыми пользовался Джек, даже ни одной записи Чарли Bird Паркера, чтоб хоть как-то сымитировать атмосферу, в которой писалась «спонтанная проза», но я портил бумагу, испещрял записями экран 386-го компьютера. Под виниловые пластинки «Роллинг стоунз» или «Калинова моста». Под крепкий чай. Под растворимый кофе. У родителей в Драченах. В комнате общежития на «Студенческой», сданной мне на несколько месяцев аспиранткой из Коломны…

Я вспомнил, как в нише той каморки без санузла – за занавеской на одной из полок – обнаружил бутылку водки, а в шкафу – еще пахнущий молодой женщиной бежевый кружевной бюстгальтер. Выпить не с кем. И женщины к лифчику не прилагается…

Обрился наголо.

Рванул в Питер. Там холодина. С Балтики сильный влажный ветер, а я в одной джинсовой рубашке. Хорошо, свежая лысина прикрыта модной бейсболкой. Знакомый сводил в местное отделение Армии спасения, чтобы я утеплился. Сфотографировался с петербургскими приятелями на фоне Казанского собора и на крыше на углу Невского и Владимирского проспектов.

В день отъезда в Москву пригласил петербургскую красавицу-баскетболистку Наташу в кино.

Встретившись на станции метро, предложил идти в загс. У Наташи отвалился каблук, и я нес ее километр на руках до будки сапожника рядом с кинотеатром «Родина». Потом стена кирпичная, часы вокзальные, платочки белые, платочки белые… Наташа помахала отходящему поезду косыночкой, стоя на перроне Московского вокзала… Вот такая жемчужина.

— Федь, ты про Сноудена слышал? – спросил Бурунзин, подливая.

Чокнулись.

— Федь, с точки зрения человека верующего, все знает Бог. Как минимум.

Петрович, прикурив потухшую сигарету, глубоко затянулся.

— А Сноуден тут при чем?

— Он, Федя, поведал миру о слежке АНБ за всеми поголовно. Вот ты ввел, например, в строке поиска запрос «Pearl». Потому что ты, как Керуак, предположим, ищешь Жемчужину. Этот твой запрос, и миллионы других, может, еще более дурацких, хранятся на громадных серверах Агентства национальной безопасности. Плюс еще куча информации о тебе: твои переписки в чатах, твои письма, твои транзакции, твои поездки и перелеты… И существуют программы для обработки таких данных. Вводится информация по любому человеку, а на выходе результат: «Федя годится на роль камикадзе». Или: «Петрович пригоден только для уборки пляжей Порту».

— И?

— Даже если Бога нет, все знает АНБ, старик! Но даже если и оно что-то упустило, все равно вся информация: о событиях, поступках, словах, мыслях, чувствах – где-то в этом мире хранится, кому-то известна. Ведь даже если человек смог организовать сбор информации, то природа наверняка имеет такой сервер, который в нее встроен изначально.

— Петрович, а ты запрашивал Жемчужину? Не в Интернете, обращаясь к Вселенной.

— Хм…

— Петрович, чтобы получить Жемчужину, нужно ее заказать. Если Вселенная не знает, что ты хочешь нечто, она тебе это и не даст. Скорее всего…

Судя по выражению лица Петровича, он никогда ничего об этом железном принципе не слышал. В советское время такие теории государством замалчивались. А уехал он почти сразу после развала СССР.

Бурунзин зачем-то пристроил себе на нос мои солнцезащитные очки, которые я, сняв, положил на журнальный столик.

— Федь, помнишь, «Айвенго» Вальтера Скотта? – Петрович следил за моей реакцией через затемненные стекла. Я заметил свое отражение в собственных осевших на носу Бурунзина очках. – Там у того парня на щите был изображен вырванный с корнем молодой дуб, а девиз рыцарский гласил: «Desdichado»…

Мне показалось, что Петровича переклинило.

— Перевод в книге такой: «Desdichado – лишенный наследства». Вообще же с испанского слово переводится так: несчастный. Это про меня, Федя!!

— Петрович, ты допускаешь грубейшую ошибку! Не надо себя программировать негативно. Попробуй говорить: «Я очень счастливый!»

— Да нет, Федор, я там, в Ленинграде, чувствовал себя несчастным, а здесь, в Порту, в Евросоюзе этом, я именно что лишенный наследства!

Кажется, Бурунзин даже всхлипнул.

Истерики, подумалось, еще не хватало.

Никакой истерики не последовало. Петрович смотрел спокойно, с достоинством. Более того, по его мнению, надо было идти за добавкой.

Как известно, два русских интеллектуала всегда точно знают, когда пора.

— Думаю, лучше «тони» взять, «руби» как-то уже не хочется, – со знанием дела изрек Бурунзин.

— М-м-м…

— Ну не «винтажный» же брать! – Петрович смотрел на меня, словно я возражал.

— Это что за хрень?

— Скажи еще, тебе все равно – что «поздно бутилированный», что крепленая краснодарская дрянь… – Бурунзин сказал это с пафосом, приосанившись и надувшись, словно подкачали автомобильным насосом.

— В Риме, – рассказывал Петрович, когда мы шли по улице, – где у меня один родственник живет… Гостил я как-то у него, летал дискаунтером за десять евро в одну сторону. Возле Пантеона солдафон-итальянец заметил, что я фотографирую мыльницей его напарника… А они оба были в таких смешных шляпках с пером…

Бурунзин почесал желтым от табака пальцем нос, втянул им, словно собака, воздух. Принюхался, поморщился, вспоминая подробности, продолжил:

— Проверил солдафон мои документы. И фамилия ему моя русская явно не понравилась. Понял по его реакции и вопросам.

— Петрович, у тебя нет вида на…

— Да самое настоящее немецкое гражданство уже почти пятнадцать лет у меня! – Бурунзин от возбуждения взмахнул обеими руками так, словно он плывет баттерфляем. – Но я ж не немец – ни по роже, ни по фамилии, ни по поведению! Слушай дальше. Заставив удалить изображения человека с какой-то заурядной автоматической винтовкой, солдафон этот довольно долго нудел: снимать милитари – ни-ни!

— Странно как-то.

— Ага. И я в шоке был. Какие секреты, Федя? Если б не их шляпы с пером… В Европе, ты ж сам знаешь, патрули – не редкость… только обычно эти… в форменных беретах…

Петрович щелкнул пальцами – окурок приводнился на лужу.

— Что там за военная тайна, Федя? Секретный, от D&G, камуфляж? У шляпы с пером двойное дно?

Похоже, Бурунзина очень сильно задело недоверие, проявленное по отношению к нему – мирному фотографу-любителю – гражданину Германии и всего Евросоюза.

— Вот и верь, Петрович, после этого в западное «открытое общество»!

Бурунзин мрачно затих и не отзывался на мои провокации.

— Петрович, печально, что тебе запретили фотографировать в общественных местах красивые шляпы, но, допускаю, этим военным дали такую инструкцию, чтоб они на посту не спали и тренировали бдительность.

Бурунзин в ответ только фыркнул. Мне захотелось сменить тему.

— Петрович, на меня в Риме огромное впечатление произвела Сикстинская капелла. Помнишь алтарную стену?

Я сообщил Петровичу, что изображение на потолке Сикстинской капеллы отделяющего свет от тьмы Создателя перекликается с не одинаковой судьбой праведников и грешников – помнишь гигантскую фреску над алтарем? – после земной жизни. Свет и тьма, и это следует не только из Ветхого Завета, существуют. Потому, получается, заключал я, все-таки действительно предстоит людям разделение на два противоположных потока.

Закат заслонили тучи. Холодный, несмотря на середину лета, вечерний ветер португальского побережья, бодрил окунувшиеся в этаноловую нирвану тела и души. Покидая супермаркет-чистилище с двумя бутылками «тони», мы походили на зыбкое отражение чаек в грязной воде грузового порта – за пляжем Матозиньюша – и претендовали на место в раю…

— Архип Петрович, ты какие книги переводил? Камоэнса, небось?

— Я только прозу. Сервантеса. Плутовской роман. Сказки… Преподавал в ЛГУ.

— Только с испанского и португальского переводил?

— В основном. С французского одну очень хорошую книжку перевел. «Обещание на рассвете» Ромена Гари.

— Так ты полиглот?

— А то! Я еще и немецким с английским очень прилично владею.

— Погоди, а о чем в той книге?

— Ну… там мать постоянно накачивает своего сына: ты станешь французским посланником, большим писателем, тебя будут любить самые красивые женщины! И этот парнишка расстается с девственностью в тринадцать лет, становится послом Франции и – действительно! – писателем с мировой известностью. У тебя случайно не такая мать?

Толик Хачатуров – рок-звезда, герой одного моего интервью, детство провел в старом, «без удобств», доме в центре Москвы. По этой причине он, считая, что вырос в гетто, вздохнув, констатировал:

— Мне, при таком старте, пробиться на сцену было куда тяжелее, чем…

Он назвал несколько фамилий. Среди перечисленных попадались даже родственники первых лиц государства.

Я, появившись на свет на промышленной окраине городка Драчены, долгое время считал чем-то вроде гетто Булыжный овраг, через который лежал кратчайший пеший путь от моего дома в «город». Спускаться и карабкаться здесь приходилось по крутой тропинке, петляющей вдоль заборов, куч мусора и гниющих отходов. Впрочем, не буду даже пытаться сравнивать Булыжный с фавелами криминального Рио. Дома здесь стояли капитальные, рассчитанные на зиму, имелись приусадебные участки, а нападали в основном не на кого-угодно с пушками, а с кулаками на сверстников.

Нашу Дельту, как и Драчены в целом, я, разумеется, относил к вполне респектабельным местам проживания.

Почему район, состоящий в основном из серо-кирпичных пятиэтажек, носил гордое греческое имя? Так кто-то окрестил завод, вокруг которого жилые кварталы постепенно и появились. На «Дельте» собирали лучшие в Восточной Европе тракторы. На главной проходной, на гигантской доске почета висел большой фотопортрет моего отца.

Пейзажи малой родины – не урбанистические даже, скорее – сельско-индустриальные. Обильная пыль, в сырую погоду – жирная грязь, безликие заводские корпуса, гаражи из ржавого железа, разбитый асфальт, мусор, лужи, разломанные автобусные остановки, загаженные лестничные клетки, разбитые двери подъездов… Словно строили светлое будущее, строили – и вдруг налетел ураган, разломал двери подъездов, согнул металлические конструкции автобусных остановок, зажег почтовые ящики, а разбитый асфальт залил грязью и засыпал мусором. В то же время изображения пролетария, всем своим видом говорящего, буржуям – конец, а также лики «святых» – Ленина, Маркса, Энгельса, на всех «рекламных поверхностях» нашего городка от года к году, кажется, становились только наряднее.

Нас окружала эстетика соцреализма – красные гвоздики на клумбах, красные флаги над входом в каждый пахнущий мочой подъезд с раздолбанной дверью, бело-буквенные лозунги на кумаче: «Слава КПСС!», «Мир, труд, май»…

Молчаливое сомнение в диктуемом партией и правительством бравурном настрое исходило, пожалуй, не только от квартала «химиков», где в общагах обитали мрачные мужики.

Оно было присуще той жизни вообще.

Если, писая в кустах или за гаражами, мальчишка случайно ронял несколько капель мочи на брюки, с большой вероятностью кто-нибудь гундосил:

— Фу! Обтрухался…

Ребята во дворе почему-то предпочитали коммунистической риторике феню.

— Блатной? – спрашивал пионер ровесника, не понимая толком, о чем говорит.

Вместо ответа юный ленинец – «Ша!» – получал затрещину, но успевал пнуть отскочившего оппонента. Тот ретировался.

— Менжовка!

— Вольтанутый!

Типичный, в общем-то, пример разговора по душам между драченскими пионерами.

Ничего удивительного. Пионервожатая, рассказав о героизме пионера-героя, называет невнимательных юных ленинцев чушками. Учительница, отчаявшись перекричать болтливых учениц, вздыхает: «Гадюжник…» Школьники-пионеры по любому поводу обзываются валетами и чувырлами. Все вполне логично.

Поскольку «на районе» была еще и секция дзюдо, словесная, предшествующая стычке, перепалка могла начаться так:

— Ты че, дзюдоист?!

Двинуть кулаком в челюсть, пнуть. Что может быть лучше в плане проявления дружеской заботы?

Значительная часть подрастающего мужского населения на Дельте (что уж про Булыжный овраг говорить?) вписывалась в социальную категорию, про которую в Ленинграде или Воронеже тогда говорили: «Гопники». На драченских индустриальных просторах слова такого не знали, использовались следующие эквиваленты – пацан, качок, шкаф… Классический случай: папа – сильно пьющий разнорабочий или выпивающий «по праздникам» токарь, а сын – пацан, качок или даже шкаф. «Шкаф такой!» – произносилось с восхищением.

В этой изысканной атмосфере мне необходимо было приносить из школы одни пятерки. Взять курс на «отлично» я вынужден был еще года за два до первого класса, когда мои верящие в силу образования родители принялись со стахановским энтузиазмом готовить меня к школьным триумфам.

Однажды я, это было еще в начальной, разрыдался прямо в рекреации. Чтобы никто не заметил – уткнувшись в окно.

Две девочки постарше обратили внимание:

— Что случилось? Как тебе помочь?

Из-за рыданий я не мог сказать ни слова. В руках у меня была тетрадь. Девчонки поняли: расстроен из-за плохой отметки. Когда они заглянули в мою тетрадку, опешили: за контрольную работу я, оказывается, получил пять с минусом! Эти девочки наверняка приносили домой не только четверки, но и тройки. И, скорее всего, их не ругали, не наказывали. Может быть, им в таких случаях даже сочувствовали:

— Не расстраивайся, Олюшка, за следующий диктант непременно четверку получишь! – говорила, возможно, бабушка, подкладывая варенье…

Выразившие мне сочувствие школьницы-подружки, конечно, и представить не могли ужас стоящего перед ними ученика второго класса.

Для полноты картины замечу, что в это самое время, на той же перемене, Фуфелкин и Попляков, скорее всего, отыскали в туалете свои бычки и, не испытывая никаких нервных потрясений ни по поводу двоек за ту же самую контрольную, ни поводу курения, затягивались вонючей «примой» и весело о чем-то болтали.

Стоит ли сомневаться в том, что мальчик, получавший пятерки, носивший очки, в панамке выходивший из дома летом, в застегнутом пальто – зимой, балансировал на краю пропасти?

Твердого троечника и очкарика Вальку Кактусова, прочитавшего в библиотеках Драчен всю научную фантастику, но повисающего на перекладине, как мешок с говном (так изысканно выразилась физкультурница), считали опасным психом. Над ним сильно не издевались только

потому, что Кактусов был крупным и болтливым. Валька вяло реагировал на пинки исподтишка, зато за словом в карман не лез и мог сильно заехать обидчику своим, размером с хороший чемодан, кейсом.

Отличники-маргиналы и представители промежуточных форм жизни – хорошисты и твердые троечники – более или менее сознательно стремились мимикрировать.

Помню, кажется, это был школьный пионерский лагерь, девочка с закрывающим почти весь затылок большим бантом, сказала мне про неказистого толстого мальчишку:

— Бей его! За него все равно никто не заступится.

Сын главного инженера и главы гороно, конечно, не хотел драться, нападать. Что-то похожее на чувство справедливости шевельнулось в нем. Как же так? Надо пристыдить эту негодную девчонку! Надо защитить мальчишку.

Сволочь Лошадников сделал все наоборот. Ударил, подражая драченскому хулиганью, от которого и самому доставалось.

Мать, когда я однажды, лет в тридцать, рассказал о процветавшей в нашей школьной среде жестокости, удивилась:

— А что ж ты тогда молчал?! Почему не рассказывал?

Почему? Мама строго-настрого запретила драться! «Пинаться» же с Рюрей, Фуфой, Ватрухой все равно приходилось. Это было неизбежно.

— Петрович, моя матушка руководила драченским гороно. Сейчас – на пенсии.

— Руководила? Строгая женщина?

— Она часто была на нервах. Дома, помню, мы только и слышали про какие-то школьные проверки, педсоветы, звонки из облоно!

— Повезло тебе…

Да, повезло. Или не повезло. Какая разница? В детство же не вернешься, не переиграешь же все по-новому.

Почему-то вспомнилось, как родители на кухне нашей хрущевки долго толковали на тему, какой сорт помидоров следует в этом сезоне культивировать на шести сотках. Вдруг телефонный звонок. Ситуация в корне меняется. За рассадой мать отправляется самостоятельно (Федя поможет донести до «дачи»). Отец едет в Нестеровку. Знакомый рыбак из Булыжного оврага шестнадцать кило настегал.

Мы жили в первом подъезде на втором этаже серо-кирпичного дома. Всего их у нашего «билдинга» было пять. Соседи по площадке – одноклассник Сашка Подвозов со старшей сестрой и родителями (оба – с «Дельты»). Мы с ним как-то на лестнице из брызгалок «обстреливали» друг друга. Досталось и почтовым ящикам. Потом соседка с четвертого этажа на нас орала: «Я письмо не смогла прочитать!!»

Это было в тот же день, когда Стасик – из параллельного класса – из своего двадцать четвертого дома забрел во двор нашего, десятого, с наполненным водой кондомом. Увидев врага, я, недолго думая, сделал выпад «шпагой» (тонкая рейка с эфесом из алюминиевой проволоки) – хлоп! – на асфальте появилось пятно, физиономию Стасика исказил когнитивный диссонанс. Произошло это в тот момент, когда Мишка из третьего подъезда рассказывал, как подсматривал за меняющей лифчик сестрой:

— Такие сиськи!

Как-то мой взгляд уперся в вырез халата склонившейся надо мной медсестры. Не так уж много в ту пору поразило меня в окружающем мире, как это откровение. Впрочем, я был способен не только удивляться, но и удивлять. Поставив пластинку с «Бременскими музыкантами» на то место, сразу за которым звучит взрыв, отключал клавишей проигрывателя сеть и ждал, когда кто-то появится на лестнице. Заслышав шаги врубал «взрыв» (громкость стояла на максимуме). Приятно было наблюдать в глазок, как какой-нибудь сосед останавливается

возле нашей двери и слушает: что это было?! В оптике дверного глазка комично-шпионское выражение лица неестественно вытягивалось. От этого становилось еще смешнее.

Своеобразным противовесом причудливому синтезу «КПСС + дворовая реальность» для меня стали идеальные герои – великие путешественники. Прежде всего – Фернан Магеллан и Христофор Колумб, о которых я с восторгом прочитал. Робинзон Крузо, Джим Хокинс, капитан Блад и персонажи десятка прочитанных мной романов Жюля Верна стояли в том же ряду.

Начиная лет с шести-семи, я часто сопровождал отца в его рыболовных вояжах и прогулках по городу.

Если мы пешком пересекали весь город, стартовав с нашей промышленной окраины, то пройдя исторический центр и перебравшись по мосту на другой берег, через час-другой оказывались на противоположной окраине.

Там, помимо построенного при царе-батюшке железнодорожного вокзала, было одно очень интересное место – магазин «Турист». Там я мог подержать в руках настоящее японское кимоно. Стоило оно двадцать пять рублей, и думать было смешно о том, что отец купит такую дорогую вещь. Хотя посещать секцию дзюдо, где бесплатно выдавались поношенные кимоно, мне родители не разрешили. Боялись, стану хулиганом.

Однако, что такое контркультура, к которой я столько лет тяготел, как не культурное хулиганство?

В «Туристе» мы с отцом рассматривали мотоциклы, мопеды, мотороллеры, велосипеды, удочки, гантели, дождевики, рюкзаки, палатки, снасти, шахматы, шашки, домино… Время от времени что-то из этого покупалось.

Когда я достиг подросткового возраста и увлекся поп-музыкой, мы с отцом обязательно заглядывали в «Культтовары». В этом магазинчике можно было выудить грампластинку с записями «Землян» или сборник западной эстрадной музыки, где даже один хит ABBA имелся.

Если с дисками совсем уж было плохо, покупали бобину с пленкой для нашей старенькой магнитолы, на которую я переписывал взятые у Игорька Кубикова из второго подъезда кассеты с «Динамиком» и Высоцким, а также какие-то лицензионные пластинки фирмы «Мелодия».

Сходив в «Турист», приятно мечталось на тему, как далеко и надолго можно поехать с продающимся там автоприцепом.

Устав от долгой прогулки, мы пускали корни в креслах лучшего кинотеатра нашего городка.

Посмотрев «Зорро» с Аленом Делоном, мы потом шли в приподнятом настроении, вспоминая цирковые трюки легендарного фехтовальщика. Вокруг была драченская слякоть и виды в поздней осени утонувшего посреди Среднерусской возвышенности невзрачного городка. Ничего напоминающего яркую природу Латинской Америки. Я же улавливал в стоящих вдоль главного заводского корпуса елях черты тропического леса, в проезжающих машинах – отдаленное сходство с повозками, влекомыми лошадьми, и даже в хлюпающем под ногами жирном черноземе обнаруживал пылящий под шпорами суглинок.

После одного из таких кинопоходов (присутствовали оба родителя) я, воображая себя корсаром, участвующим в абордажной атаке, побежал, споткнулся, упал и поранился так, что всем киноманам пришлось срочно наведаться в травматологию.

Когда работал продавцом на вещевом рынке в Лужниках, возвращаясь на метро, я довольно часто думал о родителях. О том, что они беспокоятся. О том, что я не зря болтаюсь по съемным углам в этом огромном и безразличном городе. О том, что они смогут мной гордиться. И эти мысли, чувства, которые они вызывали, – все это помогало мне выживать.

Я чувствовал какую-то связь с ними, с домом. Эта наша энергетическая пуповина была моим сильнейшим оберегом, не давала погибнуть в каких-то рискованных ситуациях. Напри-

мер, когда я, выпендриваясь перед девушкой, ходил на уровне восьмого этажа по выступу стены.

В то же время, находясь дома, я и в возрасте за двадцать ощущал то родительское давление, которое сопровождало меня все мое детство. Скажем, курить – мне внушали – очень плохо: просто потому, что невероятно вредно. Но ради какой высокой цели весь этот ЗОЖ? Ответа на данный вопрос я не улавливал. И – из чувства противоречия, а, может быть, желая походить на хиппующего аскета-философа или предугадав христианское «здоровье ценностью не является», – придерживался не столько диета-велосипед-йога-плавание, сколько образа жизни, главный компонент которого «здоровье ценностью не является».

Считать так человеку просто, когда того в избытке. Или – когда преодолен страх и найден смысл.

Бурунзин все то время, пока я был погружен в свою рефлексию, продолжал рассказывать о том, как он когда-то в Ленинграде кучеряво жил.

— Знаешь, где у меня была квартира?!

Мое сознание возобновило фиксацию смыслов, звучащих в густом табачном дыму.

— Где?

— На Московском проспекте. В пяти комнатах! И в начале восьмидесятых я себе иномарку купил. «Ауди», между прочим… А в молодости, в начале семидесятых! Помню посиделки на ступенях Инженерного замка. Как ни придешь, там Мишка Науменко, Борька Гребенщиков. Они моложе были, я их и не воспринимал тогда серьезно. Да и кто их знал тогда!

Зоя Германовна, преподававшая нам русский и литературу, красившаяся и пудрившаяся, как цирковой клоун, перед Пасхой грозила:

— Я живу напротив. С моего балкона отлично видно, кто в собор входит…

Историчка Леопольда Викторовна регулярно сообщала, что коммунизм непременно будет построен, причем довольно скоро. Сохраняла оптимизм даже в 1988 году, когда ЦК КПСС на это уже не надеялся. Редко вытиравший сопли Ватрушкин, когда на арену выходила облаченная в хемингуэевский свитер Леопольда Викторовна, расплывался в сопливой улыбке: это был единственный урок, на котором ему не было скучно. Древняя Греция, Средневековье, Великая Отечественная…

Серые (в целом) будни советской десятилетки немного скрашивала надевавшая интересные блузки и юбки, недавно окончившая местный пединститут учительница. Нина Всеволодовна вела в нашей школе ботанику, зоологию, биологию, анатомию и прочее природоведение.

Рюря и Ватруха, когда она проходила между рядами, изучали конструкцию застежки не самого примитивного лифчика.

Фуфа, заглянувший как-то учительнице под юбку, утверждал: у зооботанички чулки пристегнуты к поясу.

— Может, это трусы такие? – сомневался Ватрушкин.

В школе знания не только в рамках школьной программы получают. Однажды Пентагон стянул у своего отца пачку черно-белых порнографических фотокарточек. Одна из срамных картинок несколько уроков провисела под стеклом рядом с кабинетом директора – какой-то весельчак впихнул поверх школьной стенгазеты.

Классе в седьмом все начали «ходить» и «дружить». В восьмом кто-то уже и родил даже. У Оксанки Крупской был покровитель (на два класса старше). По крайней мере, та называла его своим заступником. За барышень в нашей школе почему-то всегда кто-то «заступался».

Ее подруга Ленка, не имея такой крыши или, наоборот, имея таковую, попала в какую-то нехорошую историю. Вид у нее был отчего-то виноватый, а у Фуфелкина – ехидный, когда он ей на что-то намекал.

— За меня заступятся, – не слишком уверенно, но и не без гордости говорила Юлька Жетонова.

— Пыль, грязь, ни одного театра, краеведческий музей, несколько библиотек, в которых половина фонда – работы Ленина, Маркса, Энгельса, а также подшивки газеты «Правда». Однажды, уже и перестройка прошла, кажется, я в центральной библиотеке Драчен спросил (без особой надежды) что-нибудь… Маркеса. Библиотекарша кивнула в сторону стеллажей, стоящих на самом почетном месте, и гордо сообщила: «Все есть», – живописал я Петровичу «ужасы нашего городка».

— Там стояло полное собрание сочинений Маркса… – догадался Бурунзин.

В восьмом каждый решал: переходить в девятый и, после окончания десятилетки, поступать в вуз или, оставив школу, продолжать обучение в профессионально-техническом училище или техникуме. Я, Сидоров, Кактусов, другие переходящие в девятый класс планировали получать высшее образование.

Наши гопнички, включая гоп-барышень, весь восьмой класс, начав уже в седьмом, мечтали о том, как они заживут «нормальной взрослой» жизнью. В ПТУ можно почти не учиться – диплом все равно получишь, можно курить, пить алкоголь, вступать в половые связи. ПТУ – не школа, в которой остаются учиться рахитичные ботаны.

Мы тогда, кажется, догадывались, что олицетворяем разные системы ценностей, а в отдельных случаях, так и вообще – знание реальной жизни и бегство от нее.

Отец во время наших с ним совместных прогулок по городу и вылазок на природу довольно подробно пересказывал мне свои любимые книги. Начал с «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и приключений Шерлока Холмса. К десяти-одиннадцати годам я уже ориентировался в мировой художественной литературе, поскольку прослушал в отцовской интерпретации немало произведений Гоголя, Дойла, Хемингуэя, Бальзака…

О великом множестве исторических событий, о том, какая рыба обитает в окрестных прудах и речках, на что и когда клюет, о выходе первого человека – советского гражданина Леонова – в открытый космос, о жизни Бальзака, Фадеева и Льва Толстого, о судьбе Робертино Лорети, о том, как устроен трактор, танк, транзисторный радиоприемник, самолет, я услышал впервые именно от отца.

Но внушительный, для того возраста, объем информации, в основном неведомый Ватрухе (его отец проводил досуг исключительно в компании себе подобных, сдабривая беседу недорогим спиртным), не отменял ряда установок, полученных одноклассником в редкие периоды папашиной трезвости.

Ватруха с раннего детства был посвящен в брутальный мачизм.

Рюря класса с седьмого открыто курил, таскал с собой мафон, редко стригся. Торчащие из-за ушей сальные локоны придавали Леньке отдаленное сходство с мушкетером короля. Круглого отличника Лешку Сидорова Рюрькин приветствовал перед уроками часто так:

— Ну что, Сидор, опять все уроки выучил?

Лицо Рюри парадоксальным образом фиксировало при этом противоположный смысл: «Что ж ты, тупица такая, снова уроки не выучил!»

Выученные на пять баллов домашние задания Рюря искренне считал моветоном.

— Да не, – бессовестно врал Лешка, – я вчера до двенадцати телек смотрел.

Рюря разглядывал «наглого» Сидора, сам вид которого говорил: полное собрание сочинений Джека Лондона прочитал, теперь за «Дым» Тургенева принялся. Ленчик знал: Лешка

отвратительно лжет – в отличие от него, гонявшего до полуночи мяч на футбольном поле за домом, учил классный ботан, учил, сволочь, уроки!

Жизнь шла своим чередом: Сидоров получал пятерку, Рюря – пару. Лешка шел на золотую, она была нужна, чтобы сдавать на вступительных в престижнейший Московский физико-технический институт один первый экзамен.

Я, скорее всего, никогда бы не узнал, что Сидоров занимается сразу на двух заочных подготовительных курсах, если б не Кактусов, поведавший однажды, что готовится так в областной Политех.

— Подумаешь! Я уже второй год задания по почте из Физтеха и Бауманки получаю, – спалился Лешка.

Много лет спустя, повышая квалификацию в одном из американских университетов, Сидоров, на вопрос, легко ли грызть гранит науки на английском, отвечал:

— Почти ни на одной лекции не был!

Давно уже не нужно было мимикрировать, стараясь казаться хуже, чем есть, но привычка осталась.

Никогда Рюря не упрекал за выученные уроки бугая Аркашу. Тот их редко учил. К оценкам Аркаша относился философски, но стремился к мировой гармонии. Для этого ему своими пальцами-сардельками с грязной каймой надо было ломать все подвернувшееся под руку: чужие линейки, ручки, карандаши, школьную мебель. Он порой разламывал на мелкие части даже собственные ручки и карандаши.

Во мне говорит какая-то старая обида. Аркаша наверняка когда-то, сто лет назад, запустил моим учебником в мощную спину Крупской, и мне потом пришлось порванную книгу склеивать. В моем распоряжении были моря, океаны, дальние страны, экзотические острова, открытые мне Дефо, Стивенсоном, Ж. Верном… У Аркаши внутренний полет зависел от внешнего вандализма. Он жил в реальности.

Как-то в отношении Аркаши, пытающегося сокрушить дверь гардероба, – грохот разносился по всему первому этажу – я позволил себе резкую оценку:

— Ну ты и дурак!

Оказавшийся неподалеку Рюря возмутился:

— А ты сам-то умный, что ли?

А как же, я наивно считал себя умным. Оказавшись за дверью квартиры, в своем воображении я продолжал путешествие на одном из пяти кораблей командора Магеллана.

Даже «Шизгару» какую-нибудь в Драченах знали мало и понимали плохо. Народ предпочитал блатняк и разную примитивную попсу. Дельтовский спекулянт-меломан мог записать за деньги «Венеру» ВИА «Шокирующий синий», но о содержании песни даже он, мотающийся раз в месяц в Москву продвинутый фарцовщик, не имел и отдаленного представления. Смешно сказать, молодые парни на «Дельте», которым в самую пору, казалось бы, балдеть от «Металлики» и «Гражданской обороны», тащились от Журавлевой и Добрынина!

В то же время американские джинсы, японская магнитола, гамка, колбаса прочно засели в сознании почти всякого «строителя коммунизма», в том числе провинциального. Да, ассортимент продуктов и промтоваров – от сарделек до кроссовок – снабжение! – в Драченах внушал пессимизм (прекрасные колбасные изделия производились на местном мясокомбинате, покупать их ездили в Москву). Но народ, так или иначе, умудрялся приобщиться к «благам цивилизации». Зайдя однажды к Игорьку Кубикову, обнаружил у того дома кучу настоящей японской жвачки. Какой-то родственник из загранплавания привез. Наш учитель музыки съездил в ГДР, после этого года два в режиме нон-стоп жевал резинку. Ну, джинсы, само собой. Однажды встретил его с дочкой – оба в джинсах, оба жуют… Люди стремились к прекрасному…

Одним из талантов Леньки Рюрькина было умение рисовать логотипы популярных брендов. Запечатлеть такую красоту он мог на последней странице тетради, на портфеле, на парте, на руке, на стене… Когда советское телевидение в очередной раз демонстрировало популярный шпионский сериал «Семнадцать мгновений весны», часть одноклассников стала изображать фашистов. Несколько советских школьников хотели быть похожими на носивших красивую черную форму офицеров-нацистов. Рюря «напечатал» шариковой ручкой «аусвайсы» пропахшему табачным дымом Фуфелкину (Попляков сказал, что он «за наших»); постоянно покрытому испариной – косая сажень в плечах – Аркаше; ставшему, кажется, иногда высмаркиваться Ватрушкину. Конечно, старательно нарисовал и собственный «аусвайс», представляя себя чуть ли не главным эсэсовцем… На переменах пацаны по-нацистски приветствовали друг друга. Они были в восторге от дизайна формы. Это была «красота», которой им, да и их родителям, так не хватало в окружающей жизни, в советском ширпотребе. Смыслы, несмотря на усиленную пропаганду советских ценностей по телевизору, на улице, в школе, Рюрю и Ватруху трогали мало. «Промывка мозгов» граждан СССР давно уже происходила вхолостую. Уроки истории с элементами патриотического воспитания, а еще больше – рассказы военрука о его участии в Сталинградской битве, пользовались популярностью, однако были каплей в океане консюмеризма, затопившего мозг советского обывателя.

— У нас, помню, на первом курсе все на повышенную стипендию экзамены сдавали, а на втором – сессию не завалил – и ладно. В третьем и четвертом семестрах столько вина было выпито! – вспоминал отец Сидорова свое лихое студенчество.

Я тогда был с визитом в лешкиной общаге. Сидор поступил не в МФТИ, а на экономфак МГУ, который больше отвечал потребностям накрывающего страну дикого капитализма.

К нему, находясь в Москве в командировке, заглянул отец.

— Поехали в ресторан, – приглашает папа сына.

Идем на трамвайную остановку. Мне в миитовскую общагу – до метро – по пути.

— В районе Павелецкого вокзала есть что-нибудь? – Сидорову-старшему через четыре часа надо на поезд. – Поедим нормально. Может, по рюмке… В поезде услышал анекдот…

Мой отец анекдотов «про Хулио» не рассказывал, выпить по рюмке, будучи убежденным трезвенником, не предлагал. Мама, провожая на построенном при царе-батюшке вокзале, внушала:

— Будь хорошим человеком! Учись на пятерки! Ни с кем не ссорься!

А я не понимал, как это «быть хорошим человеком». Что для этого, кроме отличных отметок, надо? Не ссориться ни с кем? А если в моей комнате некоторые перепутавшие день с ночью студенты свет до четырех утра не гасят, а на занятия надо вставать в 7:30?

Помню, – я только что стал иногородним студентом, – сидим с отцом на станции метро «Парк культуры».

Мимо нашей лавки проносится состав. Гул огромной массы и грохот колес улетают в тоннель.

— Спрашивай, что непонятно, – говорит и даже немного требует отец.

Он в Москве проездом, всего несколько часов. Они с матерью очень волнуются, как я и что – в общежитии, в институте.

А в моей студенческой жизни много нового. И что-то в этой реальности грубее, что-то интереснее.

Кровать – неудобная железная сетка.

Комната – проходной двор.

Даже среди первокурсников хватает тех, кто значительно старше, после армии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.